

2018

WP

Watching the Pacific

2(250)

2018

Watching the Pacific

Информационно-аналитический бюллетень

Издается с 1974 года

Специальный выпуск

#2 (250)

Российская Академия наук
Дальневосточное отделение

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований

Редакционная коллегия:

Ларин В.Л. (главный редактор)
Песцов С.К. (заместитель главного редактора)
Болдырев В.Е.
Волынчук А.Б.
Герасименко А.П.
Горячева Е.А. (ответственный секретарь)
Зуенко И.Ю.
Мишин В.Ю.
Швыдко С.Т.
Ян Чен.

Редакционный совет

Бакланов П.Я.
Белкин В.Г.
Горчаков В.В.
Михеев В.В.
Русецкий Е.А.
Сергиенко В.И.
Толстокулаков И.А.
Фэн Юцзюнь
Хаба Кумико

690001 Владивосток, ул. Пушкинская 89
Тел.: (4232) 226-80-54. E-mail: ihae@eastnet.febras.ru

ТЕМА НОМЕРА

Восточные районы России в координатах внешней политики и международных отношений в Тихоокеанской Азии

Очередной номер информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана» представляет аналитический доклад д.и.н, проф. В.Л.Ларина «Восточные районы России в координатах внешней политики и международных отношений в Тихоокеанской Азии». Данный доклад является квинтэссенцией научных результатов, полученных в ходе реализации нескольких исследовательских проектов, выполнявшихся Центром азиатско-тихоокеанских исследований (ЦАТИ) Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН с привлечением высококвалифицированных специалистов из других академических институтов и вузов страны в течение последних нескольких лет. Все они были нацелены на объективную оценку роли и потенциала восточных районов России, рассматриваемых в контексте тихоокеанской политики и международных отношений РФ, в сложной конфигурации международных, межрегиональных и приграничных связей в зоне Тихоокеанской Азии, Северной Пацифики и всего Азиатско-Тихоокеанского региона, которые сложились в этой зоне мира в первые два десятилетия 21 века.

Наиболее подробно и пространно полученные результаты представлены в двух коллективных монографиях ЦАТИ: Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 386 с. и Преодолевая холод. Интересы и политика стран Северной Пацифики в Арктике: вызовы и возможности для России / под. ред. В.Л. Ларина и С.К. Песцова. Владивосток: Дальнаука, 2017. – 400 с., а также в выпусках информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана», подготовленных по итогам тематических семинаров и «круглых столов», проводившихся ЦАТИ.

Все авторы монографий и участники «круглых столов» в той или иной степени внесли лепту в разработку этой проблемы, делились своими материалами, мыслями, выводами и идеями, а поэтому априори являются соавторами этого доклада. В то же время они не несут ответственности за все предложенные в нём интерпретации событий, оценки и выводы.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	11
1. В фокусе тихоокеанской политики Кремля	13
2. Интересы и политика государств Тихоокеанской Азии	16
2.1. На периферии китайских интересов	16
2.2. Япония: через призму конкуренции с Китаем	19
2.3. В колее «Железного шёлкового пути» и «Новой северной политики» Сеула	20
2.4. КНДР: преимущественно намерения	21
2.5. Юго-Восточная Азия: далёкий сосед	22
2.6. Когда одних желаний мало	22
3. В контексте двусторонних отношений	25
3.1. РФ – КНР	25
3.2. РФ – Япония	27
3.3. РФ – Республика Корея	27
3.4. РФ – КНДР	28
3.5. РФ – ЮВА	28
4. Межрегиональные связи	30
4.1. Административно-политический ресурс	30
4.2. Экономическое пространство	31
4.3. Гуманитарный обмен	34
Заключение	35
Приложение: таблицы	41

CONTENT

Introduction	11
1. In the Focus of Kremlin Pacific Policy	13
2. The Interests and Policies of Pacific Asia States	16
2.1. At the Periphery of China Interests	16
2.2. Japan	19
2.3. In the Tracks of South Korea «Iron Silk Road" and "New Northern Policy»	20
2.4. DPRK	21
2.5. Southeast Asia: a Distant Neighbor	22
2.6. When the Desires are Not Enough...	22
3. In the Context of Bilateral Relations	25
3.1. Russia – PRC	25
3.2. Russia – Japan	27
3.3. Russia – ROK	27
3.4. Russia – DPRK	28
3.5. Russia – Southeast Asia	28
4. Cross-Regional Relations	30
4.1. Administrative and Political Resource	30
4.2. Economic Space	31
4.3. Humanitarian Exchange	34
Conclusion	35
Tables	41

АННОТАЦИЯ

В последние несколько лет произошли два важных события, кардинально меняющих внешние условия и модель развития той части России, которую принято называть Дальним Востоком и Забайкальем, а сами жители региона всё чаще именуют Тихоокеанской Россией. Первое из них – это замена «интеграционных концептов» Кремля с «интеграции России в АТР» на строительство «Большой Евразии»; второе – кардинальный пересмотр идеологии социально-экономического развития восточных районов страны, который подразумевает отказ от гигантских бюджетных вливаний в «комплексное развитие региона» и переход к его точечному развитию через создание в отдельных его районах благоприятных условий для притока капиталов и ведения бизнеса. Однако ни первое, ни второе принципиально не меняют ни геополитический статус, ни предназначение этого региона в стратегических раскладах Кремля. Москва продолжает рассматривать его как ресурсную базу всей страны и платформу для закрепления России в экономическом пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона.

Опыт последних двух десятилетий показывает, что характер функционирования и эффективность этой «платформы» зависят от трёх переменных величин:

- 1) Задач, которые ставит, и условий, которые создаёт для их реализации Москва.
- 2) Собственных интересов владельцев интеграционного пространства – стран Тихоокеанской Азии, а также их отношения к российской части Азии.
- 3) Усилий собственно Тихоокеанской России в лице представителей её властей, бизнеса и самого населения.

В рамках реализации концепта «интеграция России в АТР» задача превращения Дальнего Востока в «интеграционную платформу» решалась по нескольким направлениям и с разными результатами. Идеологически она была выполнена полностью. Политически – через развитие отношений с Китаем – решена частично. С финансово-экономической и технологической точек зрения была провалена. Присутствие Тихоокеанской России (как и России вообще) в экономическом пространстве региона и экономике отдельных его государств почти незримо, как и роль АТР в экономическом развитии самой Тихоокеанской России. Заметного притока инвестиций и технологий из зоны АТР в Россию не наблюдается. Нынешняя структура экономики Тихоокеанской России в целом и её экспорта в частности ни в коей мере не позволяет рассматривать её не только как действующую, но даже как потенциальную «платформу для интеграции России в АТР». Это, скорее,

«буровая платформа», с помощью которой из региона выкачивают и ресурсы, и доходы, поступающие от продажи этих ресурсов за пределы страны. При этом реальный интеграционный потенциал Тихоокеанской России, заметно выросший за последние десятилетия за счёт усилий самого региона, Москва воспринимает как несистемный фактор, не пригодный для достижения «высоких» целей и решения стратегических задач, и в своих раскладах практически не учитывает.

Только две столицы Тихоокеанской Азии – Токио и Сеул, каждая исходя из собственных стратегических и экономических интересов, сохраняют Дальний Восток в главном русле их отношений с Москвой. Его роль в российско-китайских экономических связях скромна, хотя протяженная российско-китайская граница автоматически включает Тихоокеанскую Россию в исторический и политический дискурсы отношений между Москвой и Пекином. Статистически и визуально не подтверждаются расхожие мнения о превращении Дальнего Востока в «ресурсный придаток Китая», хотя экономическое влияние Поднебесной в этом российском регионе год от года растёт. Несмотря на то, что северо-восточные провинции КНР пытаются довернуть концепт «Пояса и пути» на северо-восток, доведя его до портов российского Приморья, в базовых версиях этой китайской инициативы, ориентированной на запад и юг Евразийского континента, восточные районы России не представлены. Нетрудно спрогнозировать, что им предопределено оставаться на периферии «сопряжения» Большой Евразии и «Пояса и пути», даже если таковое случится. В то же время можно не сомневаться, что в разрабатываемой ныне в Сеуле концепции «Новой северной политики» этим территориям России будет отведено особое место.

Практика последних десятилетий доказала справедливость представления об ускоренном социально-экономическом развитии восточных районов России как единственно возможном пути для её продвижения в зону Тихого океана. При этом, даже сузив фокус «восточной интеграции» России от неизмеримого Азиатско-Тихоокеанского региона до более внятно очерченной Тихоокеанской Азии, Москва всё равно будет сталкиваться с рядом внутренних и внешних вызовов, для адекватных ответов на которые потребуются не только немало времени, финансовых и интеллектуальных ресурсов, но и преодоление собственных пристрастий, привычек и стереотипов.

Тем не менее, сменив интеграционную модель с тихоокеанской на евразийскую, Россия объективно не может отказаться ни от закрепления в восточно-евразийском экономическом пространстве, ни от упрочения военно-политических позиций в этом регионе. Его экономический потенциал и военно-стратегическая значимость делают выполнение этой задачи принципиально необходимым. Соответственно, решение задачи невозможно без социально-экономической модернизации восточных районов России, развития их одновременно как российского и восточно-евразийского экономического пространства.

ABSTRACT

In the past few years, two important events related to the external environment and mode of economic development of Pacific Russia had happened almost synchronously. At first, the Kremlin has replaced its Asia-Pacific "integration guidelines" with "Greater Eurasia" option. Secondly, Russian authorities radically changed their approach to the model of eastern regions' social and economic development. They abandoned the philosophy of "Far East complex development" on the base of huge budget infusion into the region and bet on the creation of favorable conditions for private capitals inflow and business activities to spurt the development of several key areas in the region.

However, neither the first nor the second trend has changed Pacific Russia geopolitical status fundamentally. Moscow continues to view this region a resource base for the country development as well as a platform to maintain Russia's shift to the Pacific. Meanwhile, the region feels comfortable in Pacific Asia though for most of Russians this region is still a very specific zone from economic, political and cultural points of view.

The practice of the last two decades shows that the ways of functioning and effectiveness of this "platform" depends on three variables:

- 1) The goal that Moscow posed, and the conditions that it has shaped to achieve this goal.

- 2) The interests of Pacific Asia countries and their attitude towards this Russian "platform" primarily because these countries actually control and regulate Pacific Asia integration space.

- 3) Pacific Russia own efforts, undertaken by its authorities, business and people.

As a part of the concept of "Russia's integration into the APR," the task of transforming the Far East into the "integration platform" was resolved on ideological and propaganda stages only. It was partially executed in political sense (through the development of relations with China), but failed from financial, economic and technological points of view. Pacific Russia presence in the regional economic space as well as in national economies is almost invisible. The same can be said about Russia position in Pacific Asia and APR role in Pacific Russia economic growth. A long-expected influx of Asian investments and technologies to Russia has not happened. Neither current structure of Pacific Russia economy nor its exports, in particular, make it possible to consider this region the acting and potential "platform for Russia's integration into the APR." It is rather a "drilling stage" to squeeze resources from this region as well as to possess revenues from the export of its natural resources.

At the same time, the real integration potential of Pacific Russia has grown significantly for the past decades first of all due to efforts of this region itself. Nevertheless, Moscow perceives this potential as an unsystematic factor that is not suitable to achieve its "sky-scraping goals" and solve strategic tasks, and practically does not take it into account in its political and economic calculations.

Only two capitals in Pacific Asia, namely Tokyo and Seoul, follow their strategic and economic intents and conserve the Far East in the mainstream of their relations with Moscow. Its role in both the current Russian-Chinese economic ties, and in the strategic calculations of Beijing is rather lowly, although the long Russian-Chinese border automatically places Pacific Russia in the historical and political discourses of relations between Moscow and Beijing. Statistical analysis and visual control do not confirm the divergent views about the Far East transformation into a "resource appendage of China", although PRC economic influence in this Russian region year by year growing. Despite the fact that the northeast provinces of the China are trying to extend "Belt and road" area to the northeast directly to the ports of Russian Primorye, the basic version of this Chinese initiative is the West-oriented and does not spread out to Russia eastern region. It is not difficult to predict that Pacific Russia is destined to remain on the periphery of the "conjunction" of Greater Eurasia and the "Belt and Road," even if it happens. At the same time, there is no doubt that the concept of "New Northern Policy" being developed in Seoul now allocates a special place to these Russian territories.

The practice of the last decades has proved the validity of the idea that an accelerated socioeconomic development of Russia eastern regions is the only possible way to advance Russia into Pacific Ocean area. Whatever it was, even narrowing the focus of Russia's "eastern integration" from the immeasurable Asia-Pacific region to the clearly delineated Pacific Asia, Moscow will still face a number of internal and external challenges. Adequate answers to these challenges will require not only a lot of time, financial and intellectual resources, but also the overcoming of many attachments, habits and stereotypes.

Nevertheless, after changing the integration model from the aimed to the Pacific to the Eurasian one, Russia a-priori can't refuse the idea to strengthen in the East Eurasian economic space, as well as to bolster its military and political standing there. Economic potential and military-strategic importance of the region make this task fundamental. Accordingly, the solution of this problem is impossible without social and economic modernization of Russia eastern regions, their development as concurrently Russian and East-Asian economic space.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы тезис о важности Дальнего Востока в «повороте России на Восток», в её «интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион» стал расхожей идеологемой, которую механически воспроизводят чиновники, журналисты и даже учёные, зачастую даже не вдумываясь в её содержание. В реальной политике эти стратегические установки Кремля повлекли за собой, с одной стороны, появление проектов и программ «ускоренного развития Дальнего Востока и Забайкалья», призванных служить интеграционной платформой России на Востоке, с другой – обостренное внимание к этому региону соседей России в Тихоокеанской Азии. Последние не столько поверили в способность Москвы решить грандиозную задачу «форсированного развития» традиционной периферии Евразийского континента, сколько вознамерились не упустить возможные бонусы и дивиденды от российских попыток.

Как бы политики и эксперты ни интерпретировали роль Дальнего Востока в российской жизни – «плацдарма», «моста», сырьевого ресурса, контактной зоны, – она априори предполагает его максимальную внешнюю открытость и встраивание в экономические, политические и гуманитарные процессы в Тихоокеанской Азии. И такая интеграция уже состоялась, в каких-то аспектах даже вопреки желанию, решениям и деятельности (или бездействию?) инициаторов и глашатаев «поворота на восток».

Однако активная фаза российского «поворота на восток» была очень недолгой. Во-первых, поскольку «поворот» осуществлялся исключительно в традициях советской эпохи, он основывался на приложении значительных финансовых ресурсов и управленческих усилий, возможном только в короткий период времени. Во-вторых, помешали глобальные амбиции и иные региональные (восточноевропейские и ближневосточные) приоритеты Москвы, вызвавшие агрессивную реакцию со стороны США и ЕС. Ряд внутренних и внешних факторов заставили Кремль взять паузу, чтобы переосмыслить цели и скорректировать ориентиры политики. В конце концов, антироссийские эскапады Б. Обамы фактически поставили крест на ещё недавно крайне популярной идее «интеграции России» в американскую геополитическую конструкцию, именуемую Азиатско-Тихоокеанским регионом, и геополитические предпочтения Москвы вернулись на традиционную для неё евразийскую платформу. Политика новой администрации США подтвердила своевременность и правильность этого решения.

На этой платформе Кремль начал по-новому выстраивать отношения с главным восточноазиатским партнёром – Китаем. Под идею «Большой Евразии» принялись моделировать отношения с Южной Кореей, Вьетнамом,

другими странами региона. Включение в дискуссию на тему о том, состоялся ли «восточный поворот» или нет, не является целью нашего анализа. Совершенно очевидным является другое последствие евразийской переориентации Кремля: Тихоокеанская Россия выпала из главного фокуса его внешней политики и перестала получать самые толстые куски от бюджетного пирога. В качестве компенсации ей были предложены уникальные для России инструменты саморазвития – «свободные порты» и «территории опережающего развития» (ТОР) и, соответственно, расширенные возможности для взаимодействия с внешним миром.

В результате самый большой по территории и малонаселённый регион России в очередной раз в истории поставлен перед решением сложной задачи. На этот раз – сохраняя политическую верность центральной власти и европейскую культурную идентичность, экономически не только прорасти в Азию, но ещё и субсидировать евразийские проекты Москвы посредством более активного освоения и экспорта своих природных ресурсов. Альтернативные варианты – «железный занавес» или дрейф в сторону распахнувшей объятия Азии – не принимаются ни центром, ни самим регионом.

Способна ли Тихоокеанская Россия справиться с этой задачей? Готовы и намерены ли восточноазиатские соседи России признать и принять изменившиеся правила игры? Какое место самый восточный регион России занимает сегодня в международных отношениях в зоне Тихоокеанской Азии и двусторонних отношениях Кремля со странами этого региона? Наконец, насколько глубоки и прочны связи Тихоокеанской России с её азиатскими соседями, насколько обоснованы некоторые весьма устойчивые мифы о характере и последствиях этих связей – превращении региона в «ресурсный придаток Китая», засилье китайской миграции, сепаратизме дальневосточников и др.?

Ответы на эти вопросы актуальны не только для Дальнего Востока и Забайкалья, жители которых продолжают «голосовать ногами» и покидать регион*. Они важны для корректировки стратегии и политики Кремля как в русле сохранения и развития восточных районов страны, так и укрепления позиций России в Тихоокеанской Азии. Когда это делать, если не сейчас, в Год российско-китайского межрегионального сотрудничества и Год Японии в России. Политический посыл сверху прозвучал. Каким будет наполнение – зависит не только от исполнимости бюрократии.

Надеемся, что наши выводы и размышления на эту тему будут полезными, хотя и не всегда, это очевидно, приятными.

* Несмотря на все оптимистические заявления чиновников, население даже относительно благополучного Приморского края сократилось с 2012 по 2017 г. на 38 тыс. чел. (2%).

1. В ФОКУСЕ ТИХООКЕАНСКОЙ ПОЛИТИКИ КРЕМЛЯ

Ретроспективный взгляд на восточноазиатскую (тихоокеанскую) политику России XVII—XX веков позволяет вычленировать ряд базовых факторов и констант, которые обуславливали суть этой политики. Они и сегодня активно и даже агрессивно влияют — прямо и опосредованно — на формирование подходов Москвы к Тихоокеанской Азии в целом и своим восточным районам, в частности, и тем самым являются ключом к пониманию нынешнего состояния Тихоокеанской России, инструментом для вычисления направлений и алгоритма её развития, её роли и возможностей в реализации стратегии российского государства на Тихом океане.

Первый среди этих факторов – традиционная евро-атлантическая ориентация политической элиты страны, при которой Тихоокеанская Азия никогда не была в числе главных приоритетов её внешней политики, даже тогда, когда она таким приоритетом объявлялась публично. Второй – перманентное отсутствие у российской (советской) власти цельной, последовательной, теоретически обоснованной стратегии в Восточной Азии и на Тихом океане, что стало производным от её исторического выбора между Западом и Востоком в пользу Запада. Третий – абсолютный примат военно-стратегических соображений над экономическими расчётами. «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока» всегда являлось для Москвы и Санкт-Петербурга не столько экономическим, сколько геополитическим предприятием, а военно-политическое присутствие на Тихом океане неизменно было важнее экономического проникновения в регион. Четвёртый – представление о владениях в восточной Евразии не столько как территории для проживания и освоения, сколько как неоспоримом аргументе в пользу присутствия России на Тихом океане, как инструменте восточной политики и плацдарме для её реализации. Вспомним заявление Президента России о том, что использование природно-ресурсного потенциала Сибири и Дальнего Востока даёт России шанс «занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [3].

Следствием таких взглядов и подходов стало коренное противоречие, которое изначально и перманентно препятствовало и собственно успешному освоению восточных районов страны, и превращению их в тот самый «плацдарм российского присутствия в Азии», о котором так много говорилось в последние годы. Таким противоречием является конфликт между стратегическими интересами государства, которые формулируются в европейской части страны, за 8 тыс. километров от Тихого океана и закономерно имеют евро-атлантическую доминанту, с одной стороны, и «местническими», «корыстными»

ми» запросами жителей региона, с другой. Широта, комплексность и противоречивость задач, которые государство всегда ставило и сегодня формулирует перед собой на востоке, не обладая при этом ни достаточными материальными и людскими ресурсами, ни запасом времени, ни абсолютной поддержкой политической, деловой и академической элит страны и всего населения самого региона,* объективно делали невозможным достижение поставленных целей даже при сверхконцентрации усилий.

И в современных условиях дефицит времени и средств, а также мощное, когда открытое, а когда подспудное давление проатлантического лобби породили приверженность Центра к масштабным, имиджевым, и не столько эффективным, сколько эффективным проектам на Востоке, таким как проведение Саммита АТЭС во Владивостоке (2012 г.), строительство космодрома Восточный, нефтехимического комплекса (пока только в теории), судостроительного комплекса «Звезда». Их главное назначение – не преобразование региона в территорию, удобную для

Конфликт между стратегическими интересами государства и «местническими», «корыстными» запросами жителей Тихоокеанской России – коренное противоречие, препятствующее успешному освоению восточных районов страны и превращению их в «плацдарм» российского присутствия в Тихоокеанской Азии

жизни россиян, а максимально громкий демонстрационный эффект, доказательство российского экономического присутствия в Азии.

Спешка и погоня за образом обусловили отсутствие чётко проработанных и грамотно просчитанных экономических решений. Меркантильные подходы сырьевых госкорпораций, лишь под огромным

политическим давлением соглашающихся принимать в расчёт интересы местного населения и бизнеса, усугубляли конфликт. В результате, попытки увязать интеграцию страны в Тихоокеанскую Азию с развитием её восточных районов, не увенчались успехом. Никким образом не было приближено решение задачи развития Дальнего Востока посредством использования финансового, технологического и трудового потенциала Азиатско-Тихоокеанского региона. Нефтяная труба, а не промышленная кооперация и новые производства, стала символом разрекламированной «интеграции России в АТР».

Сегодня государство фактически отказалось от финансовой поддержки «продвижения России на Восток». Пришло понимание, что в условиях рыночной экономики развивать территорию прежними средствами – через массовые бюджетные вливания в «комплексное развитие региона» – принципиально невозможно и даже вредно. В Госпрограмме «Развитие внешнеэкономической деятельности» по инерции присутствует специальный подраздел для Дальнего Востока, однако на его реализацию не предусмотрено ни рубля. «Территории опережающего разви-

* На выборах Президента РФ в 18 марта 2018 г. восточные территории России дали самые низкие по стране проценты «за Путина»: Приморье - 65,3%, Хабаровский край — 65,8%, Амурская область — 67,1%, ЕАО — 67,5%, Якутия — 64,4%.

тия» (ТОР) и «свободные порты», безусловно, будут способствовать развитию региона, формированию центров экономического роста на российской территории. Но, не предлагая оригинальной, эксклюзивной продукции, которая могла бы выдержать жёсткую конкуренцию на мировых рынках, они не смогут ни содействовать существенному укреплению экономических позиций России в Тихоокеанской Азии, ни кардинальным образом изменить лицо этого российского региона.

Характер и направленность интересов стран-соседей к восточным районам России, их крайне осторожное отношение к развитию с ней кооперационных связей свидетельствуют об этом с достаточной очевидностью. На сегодняшний день среди зарегистрировавшихся 643 резидентов ТОРов и Свободного порта Владивосток предприятия с иностранными инвестициями составляют лишь 8%, при этом все они – с капиталами из стран бассейна Тихого океана, от Японии до Австралии [4, с. 16, 25].

2. ИНТЕРЕСЫ И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ

Интерес стран Восточной Азии к тихоокеанской зоне России имеет объективные основы и сосредоточен преимущественно в трёх областях:

- 1) получение доступа к её природным (энергетическим и биологическим) ресурсам;
- 2) использование транзитного потенциала (порты, Транссибирская магистраль, Северный морской путь);
- 3) устранение и предотвращение угроз национальной и региональной безопасности (военно-политических, экологических, технологических, криминальных и др.). При этом каждое государство имеет специфические взгляды и предпочтения, свои реперные и болевые точки, рычаги и агентов влияния, а противоречия и конкуренция между ними не позволяют договариваться о единой политике и скоординированных действиях в отношении Тихоокеанской России.

2.1. На периферии китайских интересов

Совершенно очевидно, что Тихоокеанская Россия не находится в фокусе глобального зрения Пекина. Это проявляется как в формулировках его евразийской инициативы «Пояса и пути», так и в планах превращения Китая в «океанскую державу». А поскольку даже создание «единого экономического пространства Северо-восточной Азии» отдано на откуп провинциям Северо-востока, ещё с начала 90-х годов XX в. настроенным на решение этой задачи, то и представление Пекина о месте и роли Тихоокеанской России складывалось преимущественно через прагматичные расчёты пограничных с Россией провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и автономного района Внутренняя Монголия.

Родившаяся практически в те же 1990-е годы идея использовать ресурсный потенциал Сибири и Дальнего Востока для ускоренного развития северо-восточных провинций КНР и сегодня лежит в основе политики Китая в отношении этих районов России. Академические круги КНР, отталкиваясь от идеи «объективных экономических потребностей двух государств», продолжают оценивать приграничное сотрудничество с Россией как «стратегически важное», называют его не только необходимым, но и неизбежным. Однако, в отличие от периода тридцатилетней давности, они не считают его более значимым, чем развитие отношений с другими соседями КНР по СВА – территориями Японии и Южной Кореи.

На просторах Китая экономическое и гуманитарное присутствие Тихоокеанской России слабо заметно, а во многих провинциях его нет вообще. В много-

миллиардном объеме китайского импорта* товары, поступающие из Тихоокеанской России, составляют только 0,2%** . В края и области Дальнего Востока и Забайкалья поступает лишь 0,1% от всего объема экспорта КНР. Несмотря на протяженную границу с Китаем (4204 км на её восточном участке) Тихоокеанская Россия не играет ключевой роли и в российско-китайских экономических связях. В 2017 г. её пришлось 14,3% от объема российско-китайской торговли (22,7% в экспорте и 7,4% в импорте)***. Строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан с ответвлением на Дацин не изменило общей картины: основной объем покупаемых Китаем у России углеводородов поступает из Восточной Сибири, тогда как на Дальний Восток приходится менее 10% от российского экспорта энергоресурсов в КНР. Только дальневосточные круглый лес и пиломатериалы являются для Китая относительно значимым товаром, занимая 2—3% китайского рынка потребления этих видов продукции. Морепродукты и соя — другие важные статьи дальневосточного экспорта в Поднебесную — «теряются» на огромном китайском рынке.

Именно эти обстоятельства являются для Пекина критически важными при фиксации места Тихоокеанской России в своих экономических и геополитических раскладах. Тихоокеанские ресурсы РФ даже в перспективе не рассматриваются как стратегически важные для обеспечения сырьевой и энергетической безопасности КНР, а заинтересованность Пекина в высоком уровне политического сотрудничества и доверительных отношениях с Москвой, возрастание глобальной составляющей в двусторонних отношениях являются серьезными препятствиями для принятия им любых деструктивных шагов в отношении этой части российской территории. Эти фундаментальные обстоятельства априори ставят под сомнения все конспирологические теории о «коварных замыслах Пекина» в отношении территории и ресурсов Сибири и Дальнего Востока России. Позиционируя Китай как «почти арктическое государство», Пекин также демонстрирует большой интерес к российской Арктике, в том числе её восточной части. Фокус его внимания направлен на научное изучение Севера, сохранение его природной среды, участие в освоении его энергетических ресурсов и тщательную проработку логистики и экономической составляющей нового морского маршрута в Европу.

Тихоокеанские ресурсы РФ даже в перспективе не рассматриваются как стратегически важные для обеспечения сырьевой и энергетической безопасности КНР, а заинтересованность Пекина в высоком уровне политического сотрудничества и доверительных отношениях с Москвой является серьезным препятствием для принятия им любых деструктивных шагов в отношении этой части российской территории.

Сугубо прагматичный подход к взаимодействию с восточными регионами России демонстрируют приграничные провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и автономный район Внутренняя Монголия. В их стратегических раскладах

* В 2017 г. совокупный объем китайского экспорта составил 2,3, а импорта – 1,8 трлн долл. США.

** Здесь и далее все расчеты основываются на данных национальной таможенной статистики РФ и стран Тихоокеанской Азии.

*** Географическую структуру российско-китайской торговли см. Приложение: Табл. 4.

Тихоокеанская Россия представлена как географически близкий источник природных (в том числе энергетических) ресурсов, рынок сбыта (ограниченный по масштабам, но для определённых секторов важный) промышленной и сельскохозяйственной продукции и рабочей силы, а также владелец транспортной (железнодорожной, портовой и морской) инфраструктуры, удобной для поставки товаров на европейский, азиатский и американский рынки.

Но есть и особые приоритеты. Хэйлунцзянские элиты, как и в предшествующие 30 лет, позиционируют провинцию как форпост сотрудничества с северным соседом, «окно из Китая в Россию». Однако если ранее Хэйлунцзян являлся своеобразным хабом для экспорта китайской продукции во многие регионы РФ, то сегодня другие провинции предпочитают выходить на российский рынок напрямую. Приграничные города, поднявшиеся на торговле с Россией, ориентируются на создание трансграничных инвестиционных и производственных зон, а также развитие сферы услуг, рассчитанной как на китайских, так и на российских потребителей.

Наиглавнейшим направлением стратегии развития пров. Цзилинь является обеспечение выхода к морю на стыке её границы с Россией и КНДР. Доступ к морским путям считается критически важным для реализации стратегической задачи – превращения провинции в «экономический центр Северо-Восточной Азии».

Внутренняя Монголия надеется получить максимальную выгоду от создания «экономического коридора Китай – Монголия – Россия» как составной части Экономического пояса Нового шёлкового пути (ЭПШП), в идеологию которого, впрочем, сегодня активно пытаются вписаться все провинции страны. В последней программе развития Северо-востока Китая указано, что одним из приоритетов развития этого региона является международная интеграция в рамках строительства ЭПШП и экономического коридора «Китай-Монголия-Россия», сопряжение программ развития Северо-востока КНР и Дальнего Востока РФ, развитие приграничного сотрудничества [5].

Граничащие с Китаем территории России являются наиболее развитым пространством межкультурного обмена. Именно сюда прибывают 70-80% от общего числа китайцев, посещающих Россию,* и по впечатлениям, полученным в этом регионе, они судят обо всей стране. В этом случае ставшее уже притчей во языцех убогое состояние большинства пограничных переходов и «ненавязчивый сервис» на российской стороне границы становятся для китайцев более запоминающимся впечатлением, чем озеро Байкал, мосты Владивостока или вулканы Камчатки.

* По данным пограничной службы РФ, в 2017 г. Россию посетили 1,8 млн граждан КНР, соответственно, не менее 1,2 млн из них путешествовали в пределах тихоокеанской части России. В Китай выезжало в этом году без малого 2,3 млн россиян.

2.2. Япония: через призму конкуренции с Китаем

Отношение Токио к Тихоокеанской России строится на трёх «китах»: 1) территориальная проблема (Курильские острова административно являются частью Сахалинской области); 2) минеральные и биоресурсы; 3) транспортная система (Транссиб и СМП). В последние годы международная конкуренция вокруг двух последних (прежде всего с Китаем) стала для Токио немаловажным стимулом в выстраивании отношений с Россией.

Деловые круги Японии давно уже присматриваются к России и, прежде всего, Сибири и Дальнему Востоку, как к перспективной сфере приложения капиталов. Главная сфера их интересов – ресурсы Сибири и тихоокеанского побережья, главным образом энергетические (нефть, природный газ, уголь), а также редкоземельные металлы. Именно в их освоение японский бизнес готов вкладывать деньги и поставлять передовые технологии, даже невзирая на противоречия по территориальному вопросу и политику санкций. Логистический потенциал Тихоокеанской России (её порты и Транссибирскую магистраль) японцы всё ещё надеются использовать для торговли со странами Европы. Освоение свободных пахотных земель южной части Дальнего Востока рассматривается как один из путей обеспечения продовольственной безопасности страны, но пока преимущественно теоретически. Наибольший интерес к восточным районам России проявляют территории, обращённые лицом к Евразийскому материку и экономически менее развитые: остров Хоккайдо и префектуры побережья Японского моря. Именно в Евразии, прежде всего в Китае и Южной Корее, а также в Сибири и на Дальнем Востоке они надеются найти новые источники собственного экономического развития. Так что провинции восточного и северо-восточного Китая, восточное побережье Южной Кореи, с которыми эти префектуры активно развивают межрегиональные связи, выступают серьёзным экономическим конкурентом субъектов Тихоокеанской России.

Главная сфера японских интересов – ресурсы Сибири и тихоокеанского побережья, главным образом энергетические (нефть, природный газ, уголь), а также редкоземельные металлы. Именно в их освоение японский бизнес готов вкладывать деньги и поставлять передовые технологии, даже невзирая на существование территориального спора и политику санкций

Интересы Японии в Восточной части Арктики носят преимущественно отвлеченный характер и связаны с её потенциальным участием в освоении природных ресурсов региона (углеводородов и редкоземельных металлов), морских биоресурсов (рыба и морепродукты), а также новыми логистическими возможностями СМП. Префектура Хоккайдо позиционирует себя как будущие «ворота Японии в Арктику», «арктический хаб» страны.

2.3. В колее «Железного шёлкового пути» и «Новой северной политики» Сеула

Географическая близость, политические и стратегические расчёты Сеула, завязанные на ослабление напряженности на полуострове и планы по объединению Кореи, заинтересованность корейского бизнеса в сырьевых и энергетических ресурсах Сибири, а также наличие на территории Дальнего Востока (Сахалин и Приморский край) значительной корейской диаспоры не раз давали основание и повод руководителям Южной Кореи заявлять о «ключевой роли» этого региона в целом и Приморского края, в частности, в развитии отношений своей страны с Россией.

Сеул рассматривает взаимодействие с территориями Тихоокеанской России в двух важных для него проекциях. Во-первых, через призму стратегической задачи объединения страны. Одним из важнейших путей её решения считается вовлечение Пхеньяна в реализацию общих экономических проектов. В числе

Сеул рассматривает взаимодействие с территориями Тихоокеанской России в двух проекциях. Во-первых, через призму стратегической задачи объединения страны. Во-вторых, в контексте реализации идеи строительства новой Евразии как «единого, креативного и мирного континента»

таких проектов — соединение Транскорейской и Транссибирской железнодорожных магистралей («железный шёлковый путь»), строительство нефте- и газопроводов и линий электропередач, производство сельхозпродукции. Во-вторых, в контексте реализации идеи строительства новой Евразии как «единого, креативного и мирного континента».

Присутствует у Сеула и интерес к природным ресурсам Восточной Арктики, что влечёт за собой активизацию арктической политики Южной Кореи, пока преимущественно в сфере научных исследований и разработки технологий, пригодных для этого региона.

Корейское правительство придаёт большое значение вовлечению южнокорейского бизнеса в реализацию проекта «Хасан - Раджин». Предполагается, что его осуществление позволит, как минимум, с одной стороны, доставлять сибирский уголь по Транссибирской магистрали до порта Раджин и далее морем в южнокорейский порт Похан, с другой - создать площадку для трёхстороннего сотрудничества с участием Северной Кореи. В перспективе этот отрезок железнодорожного пути рассматривается как пилотный проект для реализации более масштабного предприятия — создания Интегрированной интермодальной транспортной системы российского Дальнего Востока, Сибири и Корейского полуострова, включающей в себя и Северный морской путь.

Президент Республики Корея Мун Чже Ин, по сути, декларировал возвращение Сеула к политике тесного сотрудничества с Россией в развитии дальневосточных территорий и привлечения к этому Северной Кореи. На третьем Восточном экономическом форуме он прямо назвал российский Дальний Восток местом, «где встречаются Новая восточноазиатская политика России и Новая северная

политика Кореи» [6]. В целях разработки и реализации нового курса при Президенте страны учреждён специальный Комитет по северному экономическому сотрудничеству. Вместе с тем, Новая северная политика пока не обрела ясных контуров, её конкретное наполнение будет в значительной степени зависеть от развития межкорейских отношений, как и от того, смогут ли южно-корейские стратеги сделать её конкурентоспособной китайскому «Поясу и пути». Предложенные Мун Чже Ином «девять мостов» для развития отношений с Россией* – это, скорее, философия всеобъемлющего сотрудничества, чем конкретная программа действий. Очевидно также намерение Сеула обрести статус ключевого партнёра России в регионе, особенно в энергетической сфере, обеспечив себе тем самым выгодные конкурентные условия по сравнению с соседями по СВА - Китаем и Японией. Получается это, как покажет экономический анализ, сделанный ниже, не слишком успешно.

2.4. КНДР: преимущественно намерения

Руководство Северной Кореи открыто не демонстрирует своих планов в отношении соседних территорий России. Тем не менее, очевидным является его интерес к Приморью не только как к одному из немногих для КНДР окон во внешний мир,** источнику финансовых ресурсов (за счёт торговли и экспорта рабочей силы), но и возможной зоне для отступления в случае нежелательного для руководства страны развития событий на полуострове. Согласие Пхеньяна на произведённую РЖД модернизацию отрезка железной дороги Хасан - Раджин (потенциально участка Транскорейской магистрали) подтверждает наличие у него интереса к более сложным экономическим проектам.

С помощью расширения торгово-экономических связей с РФ и, в первую очередь, с Дальним Востоком руководство КНДР хотело бы сбалансировать структуру внешнеторговых операций, имеющую в настоящее время сильный крен в сторону КНР***. Знаковым для развития интеграционных связей РФ - КНДР является проект «Хасан - Раджин». Именно с ним северо-корейская сторона связывает перспективы вовлечения российского бизнеса в особые зоны экономического развития, прежде всего в СЭЗ «Раджин - Сонбон» («Расон»). Северо-корейская сторона надеется также привлечь российских

* Предложенные Мун Чжэ Ином на пленарном заседании ВЭФ «девять мостов» между Кореей и Россией «для одновременного и многостороннего сотрудничества» включают, по его словам, «газ, железные дороги, Северный морской путь, судостроение, создание рабочих групп, сельское хозяйство, сотрудничество и другое» [6].

** Во Владивостоке расположено Генеральное консульство КНДР, а Владивосток и Пхеньян связывает одна из немногих для Северной Кореи авиалиний.

*** В 2016 г. объём внешней торговли КНДР составил 6,5 млрд долл. США, из которых на долю Китая пришлось 6 млрд долл. (92,5%). Доля России составила 1,2% [7]. В 2017 г., следуя политике санкций, Китай сократил объём торговли с КНДР до 5 млрд долл., в то время как Россия увеличила её на 1 млн (до 78 млн долл. США), однако китайское направление во внешнеэкономических связях КНДР по-прежнему доминирует.

инвесторов к Кэсонскому промышленному комплексу и создаваемой на границе с Приморским краем СЭЗ «Чхончжин», к поставкам электроэнергии из приморского края в СЭЗ «Расон» и др. Однако на сегодняшний день осуществление всех этих проектов тормозится присоединением России к политике санкций в отношении КНДР, ставших следствием реализации ею ракетно-ядерной программы.

2.5. Юго-Восточная Азия: далёкий сосед

При желании обнаружить некую заинтересованность стран АСЕАН, прежде всего, Вьетнама, в сотрудничестве с Тихоокеанской Россией не трудно. Её наличие фиксируют представители академических кругов, лёгкими посылами выражают предприниматели Сингапура, Таиланда и Индонезии, разделяют (хотя очень редко) серьёзные политики. Инспирированный сентенциями о «повороте России на Восток» и «приоритетном развитии Дальнего Востока», этот интерес носит преимущественно абстрактно-теоретический характер и лишь в единичных случаях воплощается в реальные действия и конкретные проекты. Географические преимущества, которыми Тихоокеанская Россия обладает в отношениях со странами Северной Пацифики, в этом случае отсутствуют. Территориально Тихоокеанская Россия так же далека от ЮВА, как и европейская часть страны, а преимущества прямых морских коммуникаций нивелируются сырьевой структурой дальневосточной экономики, малопривлекательной для стран ЮВА.

2.6. Когда одних желаний мало...

Таким образом, многие страны Восточной Азии заявляют о готовности и намерении развивать экономические связи с Россией, признают наличие заинтересованности и потенциала для этого у многих сторон. Большинство из них обращают пристальное внимание, препринимать кардинальные решения и, тем более, предпринимать конкретные шаги.

Фундаментальной причиной сомнений и заторможенной реакции политических и бизнес кругов стран Тихоокеанской Азии в отношении восточных районов России является аморфность её дальневосточной политики, которая не даёт уверенности сторонним наблюдателям в стабильности и долгосрочности интересов и стратегии Москвы в этом регионе мира. Тем более, что бесконечные дискуссии об оптимальной модели развития восточных районов, отразившиеся в чехарде планов, концепций и программ, очень плохо выполняются в реальной жизни. Несоответствие между публично заявленными проектами и практически-ми результатами – это главный повод не торопиться даже для тех, кто является самым большим энтузиастом развития отношений с Россией. Хроническое недоверие трансформируется в политику выжидания и поиск более надёжных стран и территорий для капиталовложений, как и партнёров для бизнеса. Пер-

спективы сотрудничества не кажутся ясными даже в энергетическом секторе. С одной стороны потому, что ресурсный потенциал самой Тихоокеанской России ограничен. Эксперты сильно сомневаются в возможности увеличить добычу и, соответственно, экспорт нефти и газа с шельфа Сахалина, особенно в условиях западных санкций и растущей конкуренции поставщиков на мировом рынке СПГ. С другой стороны, России не хватает современных технологий нефте- и газодобычи, остаются неразвитыми транспортная инфраструктура и логистика.

Многообещающим направлением взаимодействия считается агропромышленный сектор, в первую очередь производство экологически чистых продуктов, но здесь камнем преткновения остаётся выработка оптимальной модели сотрудничества, в которой были бы увязаны очень разные интересы сторон. Сохраняется заинтересованность Китая,

Японии и Южной Кореи в транспортно-логистическом потенциале Транссиба, хотя с каждым новым инфраструктурным объектом, введённым в строй в рамках китайской инициативы «Пояса и пути», российская магистраль теряет свои конкурентные преимущества. Северный морской путь выглядит в большей степени отложенным на будущее проектом, возможность реализации которого в значительной степени зависит от трудно прогнозируемых климатических изменений на планете.

Достаточно велик массив политических, психологических и культурных препятствий, мешающих выстраиванию стабильных и уравновешенных отношений Москвы с Тихоокеанской Азией. Серьёзным препятствием является негативный имидж России в регионе, обусловленный историческим наследием и усугубляемый создаваемым Западом образом России как страны-агрессора, осуществившей «интервенцию в Украину» и «аннексию Крымского полуострова». Мешают представления о России исключительно как о стране-доноре сырья и энергетических ресурсов. Отрицательную роль играют устоявшиеся представления о неблагоприятном инвестиционном климате в России: эндемической коррупции, чрезмерной бюрократизации, неразвитости правовых гарантий инвесторам, отсутствии надёжных гарантий безопасности. Типичным является вывод о наличии неблагоприятных деловой среды и инвестиционного климата в этом районе страны, даже вопреки появлению, реализации и активной пропаганде чуть ли не революционных законов о ТОРах и Свободных портах. Именно поэтому, несмотря на предлагаемые льготы, зарубежные компании не торопятся регистрироваться в качестве их резидентов*. При, казалось бы, перенасыщен-

Фундаментальная причина вялой реакции политических и бизнес кругов стран Тихоокеанской Азии на инициативы Кремля по развитию восточных районов России является аморфность его дальневосточной политики, их неуверенность в стабильности и долгосрочности интересов и стратегий Москвы в этом регионе мира. Несоответствие между публично заявленными проектами и практическими результатами этой политики – это главный повод не торопиться даже для тех, кто является самым большим энтузиастом развития отношений с Россией.

ном информационном пространстве обнаруживается фатальный недостаток объективных, своевременных и точных сведений о самых простых решениях, явлениях и событиях из российской действительности. В результате, осознавая величину и сложность объективных и субъективных препятствий, политические и предпринимательские круги Азии весьма осторожно оценивают перспективы своего участия в экономических проектах в зоне Тихоокеанской России.

Между тем, как показывает анализ, с административно-политической, правовой, гуманитарной и даже экономической точек зрения, Тихоокеанская Россия уже обладает значительно большим набором возможностей и преимуществ для развития международного сотрудничества со странами Тихоокеанской Азии, чем это представляется многим российским и зарубежным экспертам. Однако эти возможности до конца не раскрыты и плохо используются.

* На 1 января 2018 г., по сведениям Корпорации развития Дальнего Востока, в Свободном порте Владивосток зарегистрировались 28, а в ТОРах – 23 иностранных резидента. Положительным сигналом является то, что на них приходится заметная доля от заявленных инвестиций (21% в СПВ и 10% в ТОРах). См.: [4].

3. В КОНТЕКСТЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Темы международного «сотрудничества в экономическом освоении Дальнего Востока и Забайкалья», приграничного и межрегионального взаимодействия, участия Тихоокеанской России в экономической и административно-политической жизни Северной Пацифики в разной степени и под разными углами зрения представлены в пакете формализованных двусторонних связей РФ с её соседями на Тихом океане. Иницируется этот ракурс преимущественно Москвой, не теряющей надежды привлечь технологические и финансовые ресурсы стран Тихого океана к дальнейшему освоению восточных районов России. Кремль шаг за шагом двигался по пути формирования благоприятных политического и идеологического климата, административно-политической и правовой среды как для более широкого вовлечения Тихоокеанской России в решение общегосударственных задач, так и для укрепления её позиций в экономическом пространстве Северной Пацифики и Тихоокеанской Азии в целом. Однако заметные результаты достигнуты только на китайском направлении.

3.1. РФ – КНР

За последние два десятилетия между РФ и КНР подписан большой пакет документов, которые не только определяют характер и принципы сосуществования российско-китайского приграничья*, качество и структуру приграничных и региональных связей, но и создают для них определённую политическую, правовую и идеологическую атмосферу. Далеко не все договоры и соглашения содержат статьи, прямо регулирующие различные сферы отношений на субнациональном уровне. Значительная часть из них относится к компетенции федеральных органов, и поэтому регулирование осуществляется косвенным путем. Но многие такие нормы и положения напрямую влияют на характер отношений между приграничными территориями России и Китая. В значительной степени именно созданная на межгосударственном уровне правовая база позволила руководителям России и КНР констатировать превращение российско-китайской границы «в зону мира, дружбы и стабильности».

* Принадлежащая РФ часть российско-китайского трансграничья включает в себя пять территорий - Приморский, Хабаровский и Забайкальский края, Еврейскую автономную и Амурскую области – с населением 5,3 млн чел. и общей площадью 1,8 млн кв. км. На долю этой части страны приходится около 10% торговли между РФ и КНР и 75 - 80% общего числа посещающих нашу страну китайцев. Подробнее см.: [8, С. 69 - 81].

Тихоокеанская Россия, прежде всего пояс российско-китайского приграничья, присутствует в диалоге Москвы и Пекина в нескольких проекциях. *Первая*: как пограничная территория, призванная решать ряд задач по обеспечению безопасности (в разных её проявлениях) и защите суверенитета страны. *Вторая*: как транзитная зона межгосударственного и межрегионального экономического взаимодействия, через которую пролегают железнодорожная и нефтепроводная, а в перспективе и газопроводная* артерии. *Третья*: как пространство собственно Тихоокеанской России, которая испытывает живую потребность в тесном взаимодействии с соседями, что Москва не может не принимать во внимание.

Однако, преуспев в продвижении крупных межгосударственных проектов, декларируя важность развития приграничных и межрегиональных отношений и создавая политическую платформу для этого, Москва и Пекин не смогли радикально улучшить общую картину связей на низовом уровне. Межрегиональное и приграничное взаимодействие, несмотря на, казалось бы, постоянное внимание к нему с обеих сторон, оказалось в перечне «отстающих» сфер. Бюрократический посыл в виде «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР (2009 - 2018)» оказался провальным. Красноречивее всего о расхождении между словом и делом руководства РФ свидетельствует состояние пограничных переходов на российской стороне границы, большинство из которых не отвечает современным требованиям,

Несмотря на многолетнюю политическую риторику о важности межрегионального и приграничного взаимодействия между Россией и Китаем, попытки его бюрократического оформления, оно находится в перечне «отстающих» сфер двусторонних отношений.

как и многолетнее затягивание со строительством моста через Амур. Более того, в пространственных рассуждениях обеих сторон о «сопряжении» инициативы «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза, строительстве «Большой Евразии» дальневосточный регион России не фигурирует, что позволяет предположить фактическое выпадение его из

главного фокуса двустороннего взаимодействия на межгосударственном уровне.

Объявление 2018-2019 гг. Годами российско-китайского межрегионального сотрудничества даёт определённые надежды, и ближайший год покажет: обернётся ли новая политическая инициатива Кремля и Чжуннаньская модернизацией нормативно-правовой базы приграничного взаимодействия, появлением крупных трансграничных проектов или же превратится в очередную игрушку бюрократов и останется пустой декларацией добрых намерений.

* Это не только газопровод Сила Сибири, по которому газ в КНР будет поставляться с Чаядинского месторождения в Якутии, но и обсуждаемое ныне продолжение газопровода Сахалин – Хабаровск – Владивосток до границы Китая.

3.2. РФ – Япония

Важная роль Тихоокеанской России в российско-японских отношениях обусловлена объективными обстоятельствами, прежде всего, её географической близостью к Японским островам. Весь послевоенный период Япония смотрела на Дальний Восток как бы в двух проекциях: в первую очередь, через призму межгосударственных отношений, акцентируя внимание на решении территориального вопроса; во-вторых, решая задачу удовлетворения своих экономических потребностей (используя, в том числе, и тему территориальных претензий). Вопрос о принадлежности южных Курильских островов Токио неизменно поднимает практически на всех встречах «в верхах». В последние два десятилетия это делается параллельно с обсуждением темы энергетического взаимодействия. Москва, со своей стороны, видит в Японии стабильного потребителя сибирских энергоресурсов, источник валютных поступлений, технологий и инвестиций, не теряет надежды вовлечь Токио в проекты по развитию Дальнего Востока.

Территориальный вопрос и энергетическое взаимодействие – это два «ключа» к развитию российско-японских отношений, которые ставят Тихоокеанскую Россию в центр этих отношений

По этим причинам дальневосточная тематика регулярно присутствует в российско-японских переговорах на высшем уровне, иногда даже доминируя на них. Однако, в отличие от российско-китайских отношений, в постсоветское время российско-японские связи не были подкреплены хотя бы небольшим количеством межгосударственных договоров, рамочных соглашений, совместных коммюнике. Стороны преимущественно ограничиваются меморандумами по частным вопросам, программами взаимодействия в определённых сферах или более обширными «планами действий» (2003 и 2006 гг.), которые по умолчанию распространялись и на Тихоокеанскую Россию, но почти не содержали прямых упоминаний о ней.

Результатом общей фокусировки интересов Москвы и Токио на энергетической тематике стало то, что сегодня на территории Тихоокеанской России концентрируется до 90% всех японских инвестиций в России и более 40% её прямых инвестиций в РФ; на долю ТР приходится около 40% объёма российско-японской торговли и более половины (59% в 2016 и 53,6% в 2017 гг.) стоимостного объёма российского экспорта в Японию.

3.3. РФ – Республика Корея

В отличие от Японии, которая выстраивала свои интересы в Сибири и на Дальнем Востоке с советского времени, Южная Корея смогла сформулировать их только в начале 1990-х годов, после восстановления дипломатических отношений с СССР. В течение последних 20 лет в ходе российско-корейского диалога на высшем уровне был достигнут целый ряд договоренностей, имеющих прямое отношение к взаимодействию сторон на Дальнем Востоке (прежде

всего в Приморском крае), согласована его роль как площадки для межкорейского диалога, где должен быть реализован ряд двусторонних и трёхсторонних (с участием КНДР) экономических проектов. Тем не менее, тихоокеанская часть России важна для Сеула, скорее, в теоретических построениях, в размышлениях политиков, чем в реальной жизни. Корейский бизнес проявляет немалую активность, но, в то же время, и большую осторожность в отношении этого региона России, считая его рискованным для инвестиций, а поэтому не пытается закрепиться в его экономике. Многочисленные встречи, «диалоги», конференции, инвестиционные форумы не трансформируются в инвестиции и новые предприятия. В ДВФО сконцентрировано только 8% от объёма

Тихоокеанская часть России важна для Сеула, скорее, в теоретических построениях и в размышлениях политиков, чем в реальной жизни

прямых корейских инвестиций в России, которые составляют менее 1% от всех ПИИ в этом регионе страны.

При этом роль Тихоокеанской России существенна в двусторонней торговле. В 2016 - 2017 гг. на её долю пришлось почти 39% её стоимостного объёма и 52% российского экспорта в РК. Более 90% продукции экспорта составляют углеводороды, рыба и морепродукты.

3.4. РФ – КНДР

Исходя из подходов и договоренностей Москвы и Пхеньяна, приграничное и межрегиональное взаимодействие должно находиться в центре межгосударственных отношений. Именно поэтому руководят этими связями чиновники федерального уровня. С российской стороны ответственность возложена на вице-премьера правительства РФ, Полномочного представителя Президента РФ в ДВФО (Ю. Трутнев) и главу Минвостокразвития (А. Галушка, а ныне А. Козлов). Глава Минвостокразвития также возглавляет Российско-корейскую межправительственную комиссию по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству с российской стороны. Однако договорная база этих отношений довольно слаба, а в условиях жёстких международных санкций против КНДР реализация текущих и перспективных проектов двустороннего сотрудничества, не говоря уже об интеграционных проектах евразийского масштаба (строительство Транскорейской магистрали), фактически оказалась отложенной на неопределённое время. При этом на долю ТР приходится от четверти до трети объёма торговли между РФ и КНДР (36,6% в 2016 и 24,1% в 2017 гг.), здесь трудится около половины (14 тыс) от общего числа северокорейских рабочих в России.

3.5. РФ – ЮВА

Комплексный план действий по развитию сотрудничества между РФ и объединёнными в АСЕАН десятью странами Юго-Восточной Азии на 2016 - 2020 гг., принятый на Саммите Россия – АСЕАН в Сочи в мае 2016 г., как и более ранняя программа на 2005 – 2015 гг. и другие документы не содержат специальных упоминаний о Дальнем Востоке. Аналогичным образом дело обстоит на уровне двусторонних связей России со странами ЮВА. В документированных отношениях с Вьетнамом, самым близким партнёром Москвы в ЮВА, с которым у дальневосточных территорий сложились очень близкие связи со времён Вьетнамской войны, Тихоокеанская Россия представлена чисто формально. «Совместное заявление» июля 2012 г. содержит сакральную мантру о «внушительном потенциале межрегиональных связей, особенно районов Сибири и Дальнего Востока России с провинциями и крупными городами Вьетнама»; «Совместное заявление» июня 2017 г. - о «внушительном потенциале двустороннего инвестиционного сотрудничества на территориях регионов Дальнего Востока». Так что пятипроцентная доля Тихоокеанской России в торгово-экономических связях России со странами АСЕАН - закономерный результат.

Нет никаких сомнений, что тема приграничных и межрегиональных связей Тихоокеанской России со странами Тихоокеанской Азии формально пребывала и остаётся в фокусе внимания Кремля и, находя соответствующий отклик извне, оказалась запечатленной в формате его двусторонних отношений с ведущими странами региона. На политическом и дипломатическом уровнях сделано в этом направлении немало. Недоработки, как и отсутствие системности, настойчивости и академичности в действиях сторон очевидны, но они не меняют общего вектора тихоокеанской политики России, в котором обязательно прописывается роль её восточных районов как важного инструмента реализации этой политики.

Во многом благодаря созданию политической и нормативно-правовой платформы на межгосударственном уровне межрегиональные связи приобрели определенную упорядоченность и даже обросли некоторыми бюрократическими институтами. Через участие краёв и областей Дальнего Востока и Забайкалья в международных институтах межрегионального взаимодействия, а также посредством развития экономических связей этих территорий в формате межрегиональных и приграничных связей Россия наиболее широко и углубленно представлена в сложной системе экономических и административно-политических отношений в Тихоокеанской Азии.

4. МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

4.1. Административно-политический ресурс

Российское законодательство не наделяет регионы правом на самостоятельную внешнюю, в том числе экономическую, политику; их внешние связи находятся под жестким контролем центра. Инициатива губернаторов в международных делах специально не поощряется, более того, внешняя деятельность не является ключевым мерилом оценки их работы. Тем не менее, поскольку международный обмен и иностранные инвестиции уже стали важным фактором социально-экономической жизни и источником развития восточных территорий, их руководители по разным, в том числе престижным, соображениям, стремятся к хотя бы формальному участию в международных делах. Делается это, главным образом, через формализованные визиты в субнациональные административные структуры соседних государств, заключение с ними рамочных и конкретных договоров о сотрудничестве, представительство российских территорий в зарубежных странах и институтах регионального взаимодействия.

Наиболее распространёнными являются различные формы связей между субнациональными правительствами. На сегодняшний день субъекты Тихоокеанской России имеют более двух десятков формализованных договорных отношений с равными им по уровню или более низкими административными образованиями в регионе. Большинство соглашений связывают российские территории с Китаем. Исключение составляют Сахалинская обл., которая ориентируется на близкую для неё японскую префектуру Хоккайдо, и Чукотский автономный округ, активно взаимодействующий с американским штатом Аляска. Связи с Китаем в основном заточены на его северо-восточные провинции, с Японией - на префектуры побережья Японского моря и Хоккайдо. С регионами южной Кореи взаимодействие более хаотичное, здесь сложно выделить каких-либо лидеров.

Помимо этого территории России к востоку от Байкала имеют в Тихоокеанской Азии около 100 партнёров по линии побратимских связей, среди которых также доминируют китайские города, уезды и провинции. Контакты поддерживаются также через межправительственные комиссии, которые созданы для взаимодействия с Японией, Китаем и Южной Кореей и объединяют органы исполнительной власти центрального и регионального уровня. Ряд структур двустороннего сотрудничества (Россия - Китай, Россия - Япония) создан самими региональными администрациями Северной Пацифики без участия центральных властей.

Представлена Тихоокеанской России и в различных региональных организациях и институтах, таких как Ассоциация региональных администраций стран Северо-восточной Азии, Саммит азиатско-тихоокеанских городов, Организация по развитию туризма городов АТР, Северный форум, Конференция мэров городов бассейна Японского моря и др. С разной степенью активности региональные власти участвуют в международных форумах, конгрессах и ярмарках, наибольшей популярностью среди которых пользуется ежегодная Харбинская ярмарка. Интерес стран Тихоокеанской Азии и Северной Пацифики к восточным районам России подтверждается наличием в них их дипломатических*, а также региональных представительств**.

Фактически Тихоокеанская Россия уже встроена в разветвлённую систему административно-бюрократических связей, сформировавшуюся в зоне Тихоокеанской Азии и Северной Пацифики. Отсутствие надежных инструментов, пригодных для анализа работы этих каналов, не позволяет оценить их эффективность и вклад в продвижение и закрепление России в этом регионе мира. Трудно оценить, насколько эффективно эти институты и структуры работают (и работают ли вообще?) на нужды субъектов РФ и территорий, но совершенно очевидно, что они очень слабо используются в общенациональных целях, для решения стратегических задач. Российское правительство рассматривает эти институты и организации только как средство для развития региональных связей, решения локальных проблем, но не как инструмент «мягкой силы» и действенное средство внешней политики государства.

Тихоокеанская Россия уже встроена в разветвлённую систему административно-бюрократических связей, сформировавшуюся в зоне Тихоокеанской Азии и Северной Пацифики. Однако этот ресурс очень слабо используется в общенациональных целях, для решения стратегических задач России на Тихом океане.

4.2. Экономическое пространство

Территориально занимая значительную часть Тихоокеанской Азии, восточные районы России (как и РФ в целом) слабо представлены в международной торговле, движении капиталов и рабочей силы в этом регионе мира. В 2016 г. совокупный объём торговли Тихоокеанской России со странами Тихоокеан-

* Генеральные консульства КНР есть во Владивостоке, Иркутске и Хабаровске, Японии – во Владивостоке, Хабаровске и Южно-Сахалинске, Южной Кореи – во Владивостоке и Иркутске, Вьетнама, КНДР и США – во Владивостоке. Индонезия, Канада, Лаос, Малайзия, Таиланд, Филиппины представлены почётными консулами (все во Владивостоке).

** Префектура Хоккайдо, г. Вакканай (также преф. Хоккайдо) и штат Аляска имеют представительства в Южно-Сахалинске, японская преф. Тоттори – во Владивостоке, а уезд Хэган (Хэйлунцзян, КНР) – в Биробиджане.

ской Азии составил чуть более 22,8 млрд долл., т.е. менее 1% от объема торговли внутри региона (2,4 трлн долл.). Доля России во внутрирегиональной торговле Тихоокеанской Азии – менее 5% (см. Приложение: Табл. 1). На конец 2017 года Тихоокеанская Россия аккумулировала 63 млрд долл. прямых иностранных инвестиций, из которых 88% вложено в нефтегазовую отрасль Сахалина. Для сравнения, в китайскую экономику только в 2016 г. пришло прямых иностранных инвестиций в 2,2 раза больше.

Но и в этих условиях именно Тихоокеанская Россия обеспечивает экономическое присутствие РФ в зоне Тихоокеанской Азии, сформировав устойчивые экономические связи с её главными политическими и экономическими игроками. Если в общем объеме внешней торговли России доля двенадцати субъектов ТР составляет менее 7% (6,9 % в 2016 и 6,4% в 2017 гг.), то в экономических связях со странами Тихоокеанской Азии на неё приходится уже пятая часть (20%), в том числе почти треть (32% в 2016 г. и 30% в 2017 г.) российского экспорта в этот регион

Восточные районы России (как и РФ в целом) слабо представлены в международной торговле, движении капиталов и рабочей силы в Тихоокеанской Азии. В то же время именно они обеспечивают экономическое присутствие РФ в этом районе мира, сформировав устойчивые экономические связи с его главными политическими и экономическими игроками.

мира. В 2015 - 2017 гг. на её долю приходилось 22 - 24% от стоимостного объема российского экспорта в Китай, 29 - 30% - в Северную Корею, 48-52% - в Южную Корею и 53-59% - в Японию (см. Приложение: Табл. 2).

Происходит это за счёт того, что значительную часть экспортной продукции Тихоокеанской России составляют энергетические ресурсы (нефть, газ, уголь). Они обеспечива-

ют около половины российского экспорта в Японию и Южную Корею*. Кроме того, КНР, РК и Япония потребляют 98% вывозимых из ДВФО морских биоресурсов и 88% древесины, причем 75% древесины уходит в Китай. Доля машин и оборудования в экспорте региона не превышает 5%.

Нынешняя структура экспорта Тихоокеанской России ни в коей мере не позволяет рассматривать её не только как действующую, но даже как потенциальную «платформу интеграции России в АТР». Это, скорее, «буровая платформа», с помощью которой из региона выкачиваются деньги, поступающие от продажи его ресурсов за пределы страны. В 2016 г. положительное сальдо внешней торговли Тихоокеанской России составило 18 млрд. долл., в т. ч. со странами зоны ТА – 14,2 млрд долл.; в 2017 г. – соответственно 21,2 и 17 млрд долл. Сверх того 176 млрд руб. в 2016 и почти 200 млрд руб. в 2017 гг. перечислила в бюджет дальневосточная таможня**. Продажа природных ресурсов Тихоокеанской России является стабильным источником валютных поступлений в российскую казну, так что одна

* Львиная доля нефти, перекачиваемой в КНР по трубопроводу Восточная Сибирь – Тихий океан, формально поступает из Москвы и Московской области, где зарегистрированы её экспортёры.

** Любопытно при этом, что в 2017 г. Сахалинская таможня перечислила в российский бюджет только 2% от этих средств, хотя доля Сахалинской области в экспорте ДВФО составила 47%.

из целей «поворота на Восток» – добиться её развития «для экономики всей России»* – реализуется вполне успешно. Чего нельзя сказать о других объявленных задачах.

Несколько иные функции выполняет импорт региона. Тихоокеанская Россия ввозит товары преимущественно для удовлетворения собственных и при этом ограниченных потребностей, поглощая не более 10% ввозимой в Россию продукции из стран Восточной Азии (6,8% в 2017 г.). При этом более половины импорта приходится на машины, оборудование и транспортные средства, которые используются прежде всего для обеспечения запросов той самой «буровой платформы», качающей валюту в российскую казну. Машины и оборудование являются главной статьёй импорта уже не только из Японии (почти 90% импорта в 2016 г.) и Южной Кореи (60%), но и из Китая (35%).

При внимательном изучении статистики как карточный домик рассыпаются и миф о ползучей «экономической экспансии Китая на Дальнем Востоке», и любимая тема западных конспирологов и московских алармистов о превращении Дальнего Востока в его «ресурсный придаток». Действительно, в 2016 г. в дальневосточном экспорте в КНР энергоресурсы, морепродукты и древесина заняли почти 75%. Однако в экспорте региона в Японию эти три статьи составляют 85%, а в Южную Корею - 89%. Доля минерального топлива в дальневосточном экспорте в Китай не превышает 32%, тогда как на Японском направлении она достигает 81, а южнокорейском - 70%. И чьим сырьевым придатком после этого является этот российский регион? При этом доля Китая в общем объёме торговли Тихоокеанской России увеличилась с 29,5% в 2012 г. до 33,4% в 2017 г. (Приложение: Табл. 3), что произошло за счет диверсификации российского экспорта в КНР и и существенного снижения объемов импорта из Японии и Кореи. Китайские машины, оборудование, бытовая и вычислительная техника успешно вытесняют японские и южнокорейские товары на рынке региона.

Но при этом, даже имея весьма протяжённую границу с Китаем, Тихоокеанская Россия так и не стала платформой для развития экономического взаимодействия России с этой страной. Более того, она теряет свои позиции: с 2014 по 2017 гг. объём торговли региона с Китаем сократился с 14,5 до 12,6 млрд долл., а его доля в российско-китайской торговле с 17,9% до 14,3%. Декларации о многомиллиардных китайских инвестициях в регион повисают в воздухе, в результате доля накопленных китайских инвестиций в общем объёме ПИИ в регионе не превышает 3%. Серьёзная зависимость от Китая присутствует (и она неизбежна) у континентальных и пограничных с ним Забайкальского края, Еврейской автономной и Амурской областей, но не у других территорий.

* Задачу добиться «эффективного, быстрого, заметного для людей и для экономики всей России» развития дальневосточных территорий России Президент России сформулировал на заседании президиума Государственного совета по вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья 29 ноября 2012 г. См.: [9].

Для Сахалина крупнейшим рынком сбыта продукции является Япония (почти 50% экспорта), для Камчатского края - Южная Корея, для Магаданской обл. – Казахстан и Япония, для Саха-Якутии - Бельгия. В импорте региона китайская продукция, действительно, занимает доминирующие позиции (43 - 51% импорта в 2010-е годы), но и её значение также снижается.

4.3. Гуманитарный обмен

В гуманитарных, как и в экономических, процессах в Тихоокеанской Азии Россия представлена слабо. В 2015 г. три страны Северо-Восточной Азии – КНР, Японию и Южную Корею – посетили без малого 60 млн. иностранцев. Русскоязычный сегмент составил 3% от этого потока (1,8 млн чел.), и в нём закономерно преобладали поездки россиян в Китай (1,58 млн чел. или 88% от общего числа). Сопоставление разноформатных статистических данных позволяет предположить, что этот поток в значительной степени формируется за счёт жителей Тихоокеанской России, на долю которых приходится от 70 до 80% от общего числа поездок россиян в эти страны.

Россия также не является объектом активного интереса населения стран Тихоокеанского бассейна. Её, по данным пограничной службы РФ, в 2015 г. посетили всего лишь 1,8 млн жителей Восточной Азии. Почти три четверти из них (1,3 млн) - это граждане КНР. В России также побывали 153 тыс. южных корейцев и 93 тыс японцев. Более половины из них ограничивают зону своих путешествий восточными районами России. В результате ареал гуманитарного проникновения России в Тихоокеанскую Азию, опять же, основывается на человеческом потенциале Тихоокеанской России. От его качества и состояния в немалой степени зависит характер представлений, которые складываются у жителей региона о России в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По чисто формальным показателям России не удалось модифицировать восточные районы России в надёжную и устойчивую платформу для интеграции страны в Тихоокеанскую Азию. Экономические «опоры» этой платформы остаются немногочисленными (энергоресурсы, лес, морепродукты), имеют минимальную добавленную стоимость и мало влияют на состояние региональных рынков. Она практически не включена в производственные цепочки региона, её обходят главные финансовые потоки. В результате она слабо способствует умножению веса и влияния России в процессах движения товаров, людей, капиталов в этом регионе мира. В той же степени это касается авторитета и привлекательности самой Тихоокеанской России для её азиатских соседей.

Политико-административные элементы «интеграционной платформы», с предельной основательностью выстроенные Москвой на китайском направлении, не дают ожидаемого эффекта. Их подтачивает подсознательная неуверенность Москвы в надёжности и долговечности российско-китайского стратегического партнёрства. И хотя такие элементы в отношениях России с Японией и Южной Кореей практически отсутствуют, это не мешает Тихоокеанской России играть куда более важную роль в экономических связях с этими государствами, чем с Китаем.

Конструктивные элементы «интеграционной платформы», созданные усилиями властей и жителей самой Тихоокеанской России (представительство в различных национальных и субнациональных структурах региона, административные, экономические, общественные и гуманитарные связи на уровне территорий), Москва воспринимает как несистемные факторы, не пригодные для достижения «высоких» целей и решения стратегических задач. А поскольку сами субъекты РФ, вовлеченные в эти связи, действуют разобщено, без общей стратегии и единого понимания своей роли и своих задач, иногда не столько помогая, сколько конкурируя друг с другом, их КПД остаётся крайне низким. И это при том, что сама Тихоокеанская Россия уже встроена в Азию, а в регионе образовалось пока никак не оформленное, но активное «пророссийское лобби», продвигающее, даже в неблагоприятных условиях, идеи развития отношений с Россией через её тихоокеанские владения.

Совокупность неблагоприятных факторов и обстоятельств предопределила фактический отказ Москвы от тихоокеанской интеграционной модели. С одной стороны, центральная власть не смогла изменить своё отношение к восточным районам страны как к колониальной периферии, проигнорировав потенциал её «мягкой силы» и интеллектуальные ресурсы и не используя все

имеющиеся возможности. С другой стороны, Тихоокеанская Россия представлена в Тихоокеанской Азии соразмерно своему экономическому и демографическому потенциалу и в нынешних обстоятельствах вряд ли способна на большее. С третьей, имеет место быть несовпадение алгоритмов движения России и стран ТА навстречу друг другу. Ну и, в конце концов, эта «интеграционная платформа» изначально строилась на глазок, без проекта и «главного инженера». В результате случилось типичное для России незавершенное строительство со всем букетом существующих в таких случаях проблем.

Результат, в принципе, закономерен. Постулат о необходимости ускоренного социально-экономического развития восточных районов России в качестве обязательной платформы для её продвижения в Азиатско-Тихоокеанский регион не подвергается сомнению, однако сам ориентир - АТР - уже не кажется столь важным, как десятилетие тому назад. Этот фактор, а также пробуксовка с «ускоренным развитием Дальнего Востока» привели к тому, что «поворот на восток» фактически сошёл на «нет».

Даже сузив географический фокус «восточной интеграции» России до Тихоокеанской Азии, Москва всё равно будет сталкиваться с рядом внутренних и внешних вызовов, для адекватных ответов на которые потребуются не только немало времени, средств, но и преодоление себя. Важнейшими внутренними (внутрироссийскими) вызовами являются:

1. Идеологический: доминирование «охранительного» и потребительского взгляда на восточный фронт России как «кладовую» европейского Центра и объект посягательств извне.

2. Ресурсный: хроническая нехватка демографических, трудовых, технических, финансовых, интеллектуальных и управленческих ресурсов для решения поставленных задач. Причем на первое место, вопреки привычным ссылкам на нехватку денег и трудовых ресурсов, следует поставить дефицит знаний и умений в сфере организации и управления. Как мягко охарактеризовал положение дел в этой сфере Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка, «в деятельности региональных органов власти имеются существенные упущения в стратегическом планировании, препятствующие ускоренному развитию Дальнего Востока» [10].

3. Репутационный: многочисленные обещания, завышенные оценки и оптимистичные прогнозы, которые делают руководители и ответственные лица государственных структур, отвечающих за «ускоренное развитие» Дальнего Востока и Байкальского региона и привлечение к этому зарубежного бизнеса, уже сейчас наталкиваются на суровые дальневосточные реалии, оспариваются сухой статистикой и не укрепляют ни доверия к власти местного населения и предпринимательских кругов, ни энтузиазма потенциальных инвесторов из-за рубежа.

4. Культурно-цивилизационный: сохраняющееся непонимание Востока и страх перед ним, порождающие конспирологические теории и провоцирующие непоследовательные и неисполняемые решения.

Среди внешних вызовов доминируют:

1. **Адаптационный:** вынужденная необходимость приспосабливаться к стандартам и реалиям азиатского (конфуцианского) мира.

2. **Экономический:** нахождение своей ниши в экономической системе Тихоокеанской Азии при неконкурентоспособности большинства сфер экономической деятельности России в нём.

3. **Имиджевый:** преодоление негативного или безразличного отношения к России в регионе.

4. **Позиционный:** необходимость выработки и артикуляции четкой и самостоятельной позиции в отношении региональных конфликтов (Корейский полуостров, Тайвань, территориальные споры) и путей их решения.

5. **Дипломатический:** лавирование между конфликтующими региональными игроками, отстаивая при этом свои интересы. Игра на противоречиях и энергетических потребностях восточноазиатских держав – это высокое искусство, которое России пока не подвластно.

Тем не менее, сменив интеграционную модель с тихоокеанской на евразийскую, Россия объективно не может отказаться от решения задачи закрепления в восточно-евразийском экономическом пространстве, как и от упрочения военно-политических позиций в этом регионе. Его экономический потенциал* и военно-стратегическая значимость делают выполнение этой задачи принципиально необходимым. Соответственно, решение задачи невозможно без социально-экономической модернизации восточных районов России, развития их одновременно как российского и восточно-евразийского экономического пространства. Необходимыми условиями для этого являются:

1. Наличие стратегического видения и осознания интересов и возможностей России в Тихоокеанской Азии. Через десяток лет военно-политический и экономический расклад на востоке Евразийского континента и в западной части Тихого океана изменится кардинально. Истоками этих изменений являются тенденции развития Китая как глобальной державы; неизбежная модернизация внешнеэкономической и политической моделей поведения Японии; принципиально новая ситуация на Корейском полуострове; экономический рост, политическая и социальная турбулентность в Юго-Восточной Азии. В настоящее время Россия только подстраивается под эти процессы, не предлагает своей повестки, не играет на опережение, и соответственно, изначально и перманентно находится в проигрышной позиции. Необходимы более активные, наступательные действия в тех сферах, где Россия уже сегодня способна играть на равных: формирование региональных систем политического и общественного диалога, безопасности и экологического мониторинга, единого информационного пространства и интеллектуальной (в том числе научной) среды.

* Объем внутрирегиональной торговли в зоне Восточной Евразии составляет 4,5 трлн долл. США (см. Приложение: Табл. 1).

2. Синхронизация внутренней и внешней политики Кремля в зоне Восточной Евразии. В нынешних условиях для России актуальны не «интеграция» в аморфный и преимущественно недружелюбный к ней Азиатско-тихоокеанский регион и не подтягивание сибирских и дальневосточных ресурсов под реализацию концепта Большой Евразии. Принципиальная задача – сделать всё возможное для закрепления российских позиций в Тихоокеанской Азии. А это возможно только через социальное и экономическое развитие Тихоокеанской России. В.Путин присвоил развитию Дальнего Востока статус приоритетного направления на весь 21 век, и этот сюжет не выпадает из популярного ныне у власти концепта Большой Евразии. Однако ведомства, отвечающие за внешнюю (в том числе тихоокеанскую) политику России, привычно смотрят поверх Дальнего Востока и Забайкалья, а менеджеры и технократы, кому отписано развитие этого региона, не слишком преуспели в хитросплетениях международной жизни.

3. Восток России имеет минимум конкурентных преимуществ по сравнению со своими азиатскими соседями. Нынешний его статус – колония для Москвы и сырьевая периферия Восточной Евразии – может стать приговором. Объективно регион обладает потенциалом для того, чтобы быть привлекательным и эффективным в четырёх областях: энергетической, транспортно-логистической, сервисной (туризм), а также получения новых знаний и создания высоких технологий. Выбор по инерции сделан в пользу первой. Развитие второй застряло в болоте межведомственных и корпоративных согласований. Третьей элементарно не хватает политической поддержки и финансовых средств. В четвёртую политики просто не верят. Между тем, индустриальная сфера может стать конкурентоспособной только в том случае, если будет основываться на новых знаниях, новых материалах и технологиях завтрашнего дня.

При этом международное сотрудничество в изучении и рациональном использовании ресурсов мирового океана и природной среды материковой части Евразии априори является более перспективной задачей, чем открытие и разработка новых месторождений нефти и газа.

REFERENCES

1. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия (Integrating Pacific Russia into the North Pacific region: experience and potential of regional and cross-border cooperation in the beginning of 21st century) / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. - 386 с.
2. Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса (Pacific Asia: Economic and Political Consequences of Global Financial Crisis) / Отв. ред. – В.Б. Амиров, Е.А. Канаев, В.В. Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. - 135 с.
3. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. (The President's Address to the Federal Assembly) // President of Russia official web-site), <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
4. Корпорация развития Дальнего Востока. Отчет за 2017 год (The Corporation for the Development of the Far East . Report for the year 2017) // Corporation for the Development of the Far East official web-site, <http://erdc.ru/about/>.
5. 中共中央 国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 (Some proposals of the CPC Central Committee and the State Council on the comprehensive revival of the north-eastern region and other old industrial bases) // State Committee for Development and Reform of the People's Republic of China. 2 6 . 0 4 . 2 0 1 6 . A v a i l a b l e a t : http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html (accessed 31.03.2017).
6. Пленарное заседание Восточного экономического форума (Eastern Economic Forum Plenary Session // President of Russia official web-site, <http://kremlin.ru/events/president/news/55552>.
7. North Korea's Trade and the KOTRA Report. - Peterson Institute for International Economics web-site, <https://piie.com/blogs/north-korea-witness-transformation/north-koreas-trade-and-kotra-report> (accessed March 23, 2018).
8. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции (Russia-China Transboundary Region from the Perspective of Eurasian Projects // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. - С. 69-81.
9. Заседание президиума Госсовета (Meeting of State Council Presidium). November 29, 2012 г. // President of Russia official web-site,

<http://kremlin.ru/events/president/news/16990>.

10. Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка открыл совместную коллегия с Министерством по развитию Дальнего Востока, посвященную защите прав инвесторов в Дальневосточном федеральном округе (Prosecutor General of the Russian Federation Yury Chaika opened a joint board with the Ministry for the Development of the Far East, dedicated to protecting investors' rights in the Far Eastern Federal District). June 29, 2017// The Prosecutor General's Office of the Russian Federation official web-site, <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/news-1207407/>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Внутрирегиональная торговля в Тихоокеанской Азии в 2016 году (млн долл. США)

Нацио- нальная статистика:	КНР, включая Гонконг	Япония	РК	АСЕАН	Россия	Тайвань	КНДР	Мон- голия	Всего	Объем внешней торговли страны	Доля стран ТА в торговле страны
Китая	X	274 800	252 432	451 796	69 526	179 595	5 373	4 607	1 238 129	3 684 925	33,6%
Японии	305 905	X	71 249	187 836	16 411	62 266	-	298	643 965	1 251 599	51,4%
РК	245 811	71 822	X	118 836	13 409	28 624	-	219	478 721	901 500	53,1%
АСЕАН	461 668	201 892	118 800	516 013	11 957	92 149	167	117	1 402 763	2 236 343	62,7%
России	66 973	16 064	15 140	13 568	X	4 316	77	932	117 070	467 753	25,1%
Тайваня	157 732	60 171	27 439	92 149	3 469	X	13	13	379 986	510 881	74,4%
КНДР (данные КОТРА)	6 056	-	-	110	77	13	X	2	6 258	6 547	95,5%
Монголии	4 963	345	206	172	936	7	2	X	6 631	8 274	79,9%

Таблица 2.

Внешняя торговля РФ, ДВФО и Тихоокеанской России (ТР) в 2017 году
(млн долл. США)

	Субъект торговли	Россия	Дальневосточный федеральный округ	Тихоокеан-ская Россия	Доля ТР в торговле РФ
Весь мир	Экспорт	357 083,1	22 240,3	29 451,4	8,2%
	Импорт	226 966,4	6 288,9	8 218,0	3,6%
	Всего	584 049,5	28 529,2	37 669,4	6,4%
	Баланс	+130 116,7	+15 951,4	+21 233,4	
КНР (включая Гонконг)	Экспорт	39 624,2	5 232,4	9 008,6	22,7%
	Импорт	48 265,7	2 696,3	3 570,6	7,4%
	Всего	87 889,9	7 928,7	12 579,2	14,3%
	Баланс	-8 641,5	+2 536,1	+5 438,0	
Япония	Экспорт	10 500,5	4 821,7	5 626,7	53,6%
	Импорт	7 761,4	582,9	606,5	7,8%
	Всего	18 261,9	5 404,6	6 233,2	34,1%
	Баланс	+2 739,1	+4 238,8	+5 020,2	
Республика Корея	Экспорт	12 345,3	6 137,5	6 424,5	52,0%
	Импорт	6 933,4	967,2	1 000,4	14,4%
	Всего	19 278,7	7 104,7	7 424,9	38,5%
	Баланс	+5 411,9	+5 170,3	+5 424,1	
КНДР	Экспорт	74,2	15,1	18,8	25,3%
	Импорт	3,7	0,006	0	0%
	Всего	77,9	15,1	18,8	24,1%
	Баланс	+70,5	+15,1	+18,8	
Тайвань	Экспорт	3 370,5	391,9	519,0	15,4%
	Импорт	1 925,4	39,9	42,6	2,2%
	Всего	5 295,9	431,8	561,6	10,6%
	Баланс	+1 445,1	+352,0	+476,4	
Монголия	Экспорт	1 326,1	41,2	136,9	10,3%
	Импорт	41,2	0,4	8,9	21,6%
	Всего	1 368,1	41,6	145,8	10,7%
	Баланс	+1 284,9	+40,8	+128,0	
АСЕАН	Экспорт	7 294,4	472,6	712,5	9,8%
	Импорт	10 634,9	185,9	193,7	1,8%
	Всего	17 929,3	658,5	906,2	5,0%
	Баланс	-3 340,5	+286,7	+518,8	
Страны ТА	Экспорт	74 535,1	17 112,4	22 447,0	30,1%
	Импорт	75 565,6	4 472,6	5 422,7	7,2%
	Всего	150 101,7	21 585,0	27 869,7	18,6%
	Баланс	-1 030,5	+12 639,8	+17 024,3	-
Доля стран ТА в торговле	Экспорт	20,9%	76,9%	76,2%	-
	Импорт	33,3%	71,1%	66,0%	-
	Всего	25,7%	75,7%	74,0%	-

Источник: Данные таможенной статистики РФ

Таблица 3.

Торговые партнёры Тихоокеанской России (в процентах)

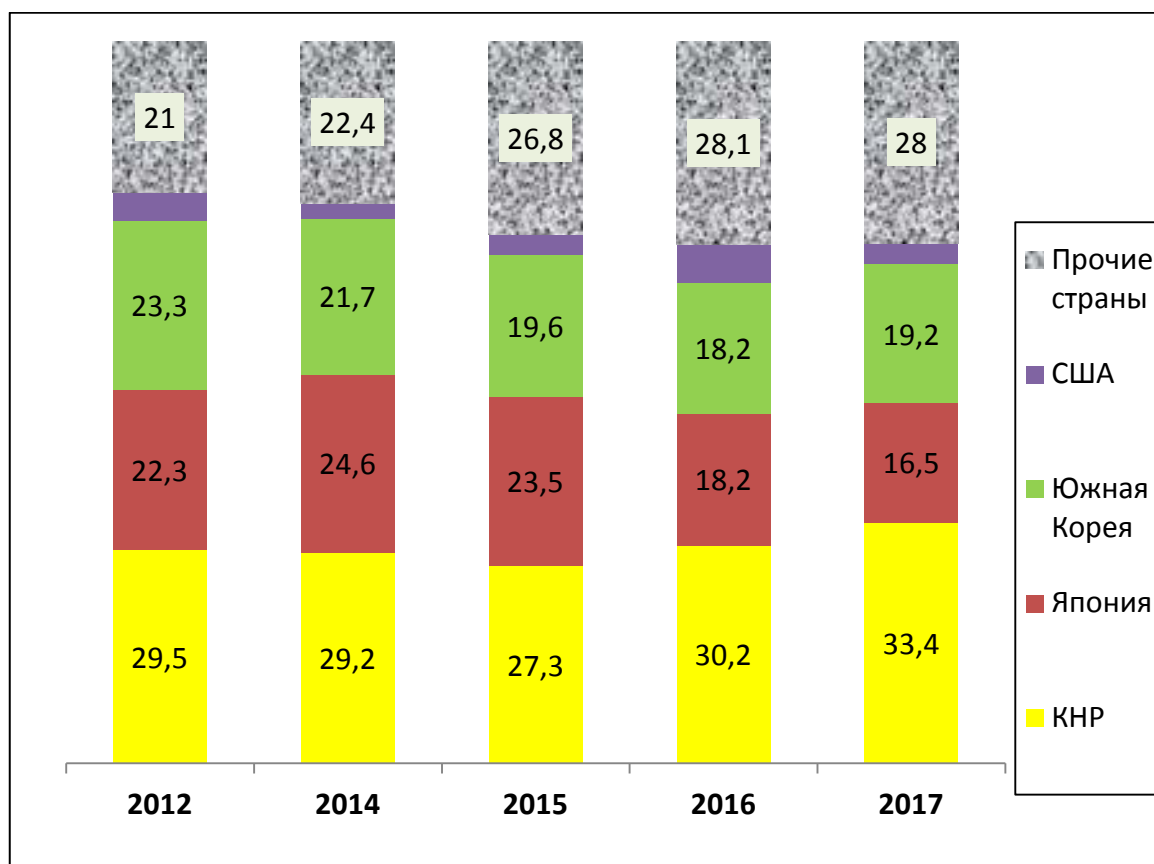

Таблица 4.

Географическая структура российско-китайской торговли

(2017 г., млн. долл.)*

	Экспорт		Импорт		Объем	
	Объем	Процент	Объем	Процент	Объем	Процент
Россия	39 624,2	100	48 265,7	100	87 889,9	100
ЦФО	19 037,2	48	28 796,0	59,6	47 833,2	54,4
в т.ч. Москва	17 611,0	44,5	21 663,0	44,8	39 274,0	44,7
СЗФО	3 027,0	7,6	6 046,0	12,5	9 073,0	10,3
в т.ч. СПб	1 198,4	3,0	4 720,0	9,8	5 918,4	6,7
УрФО	3 658,8	9,2	4 925,8	10,2	8 584,6	9,8
СибФО	6 443,0	16,3	2 376,6	4,9	8 819,6	10,0
в т.ч.						
Бурятия	264,8	0,7	53,0	0,1	317,8	0,4
Заб. край	183,8	0,5	515,7	1,1	699,5	0,8
Иркутская обл.	3 327,6	8,4	305,7	0,6	3 633,3	4,1
СКФО	78,9	0,2	95,0	0,2	173,9	0,2
ПФО	1 685,0	4,2	1 800,3	3,7	3 485,4	4,0
ДВФО	5 232,4	13,2	2 696,3	5,6	7 928,7	9,0
в т.ч.						
Хабаровский край	1 466,2	3,7	189,2	0,4	1 635,4	1,9
Приморский край	1 139,0	2,9	2 143,6	4,4	3 282,6	3,7
Сахалин	1 126,7	2,8	43,4	0,09	1 170,1	1,3
Саха-Якутия	701,4	1,8	55,0	0,1	756,4	0,9
Амурская обл.	274,5	0,7	180,0	0,4	728,5	0,8
Камчатка	272,7	0,7	10,3	0,02	283,0	0,3
ЕАО	118,3	0,3	32,4	0,07	150,7	0,2
ЧАО	112,1	0,3	23,3	0,05	135,4	0,2
Магадан	21,6	0,05	18,9	0,04	40,5	0,05

* По данным таможенной статистики РФ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Все материалы, представляемые авторами в редакцию должны отвечать следующим требованиям:

1. Допустимые форматы файла: текстовые файлы с расширением doc, docx.

2. Текстовый файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. Недопустимо применение прописных символов в заголовке статьи. Буква ё обязательна.

3. Требования к шрифтам статьи:

Название статьи на русском языке: Times New Roman, 14

Имя, Отчество, Фамилия автора, звание, должность, место работы, город: Times New Roman, 12

Название статьи на английском языке: Times New Roman, 14

Имя Фамилия (транслитерация), организация, город, страна, e-mail: Times New Roman, 12

Текст статьи: Times New Roman, 14

Литература и источники: Times New Roman, 10

4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.

5. Порядок оформления статьи: сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, контактный телефон, адрес e-mail), название статьи, текст статьи, список литературы. Название статьи предоставляется на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Иллюстративный материал (рисунки, графики, карты) предоставляется в отдельных файлах в форматах jpg, jpeg, gif, tif. Название файла со статьей формируется по принципу «ФамилияИО автора». Файл с иллюстративным материалом озаглавляется «ФамилияИО автора. Рис.1», «ФамилияИО автора. Рис.2» и т. д. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Times New Roman. Указание источника иллюстративного материала – обязательно.

6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, 5].

7. Нумерация библиографических ссылок в списке литературы идёт по порядку появления ссылок в тексте, не в алфавитном порядке.

8. Объем статьи – от 0,5 до 1 п.л. (от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами).

Редакция информационно-аналитического бюллетеня «У Карты Тихого океана» оставляет за собой право отбора публикаций. К публикации в информационно-аналитическом бюллетене принимаются работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях. Материалы к публикации, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Образец оформления библиографических ссылок:

1. Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М.: Олма-Пресс Образование, 2004. 624 с. (моноиздание на русском языке с автором)
2. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М.: Наука, 2007. 397 с. (моноиздание на русском языке без автора)
3. Липилина И.Н. История исламского сепаратизма на Юге Таиланда // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 2. С. 45—52. (периодическое издание на русском языке)
4. Попытки прорыва информационной блокады. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10059887 (дата обращения: 10.09.2016). (электронный ресурс на русском языке)
5. Прокопец С.Д. Защитное вооружение чжурчженей государства Восточное Ся (1215—1233 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 21 с. (автореферат диссертации)
6. Ткалич А.И. Просветительская деятельность Русской Православной церкви на Крайнем Северо-Востоке в досоветский период: дисс. ... канд. пед. наук. М., 1999 г. 181 с. (диссертация)
7. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. От стабилизации к кризису (1966—1989). М.: Наука, 2002. Т. 2. 516 с. (многотомное издание)
8. American Foreign Policy. Current Documents. 1983. Washington: Department of State, 1985. 1477 p. (моноиздание на иностранном языке без автора)
9. Armitage R.L., Nye J.S. CSIS Commission on Smart Power. A Smarter, More Secure America. Washington: CSIS, 2007. 82 p. (моноиздание на иностранном языке с автором)
10. General License № 4. Noncommercial, Personal Remittances Authorized. March 24, 2016. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/nk_gl4.pdf (дата обращения: 06.05.2016). (электронный ресурс на иностранном языке)
11. Zeng A'nan Judgment of the International Court of Justice: the end of the dispute regarding the Temple of Preah Vihear? // Southeast Asian Studies. 2015. No. 1. P. 4—10. (периодическое издание на иностранном языке)
12. 2003年国务院政府工作报告= Доклад о работе Госсовета в 2003 г. URL: http://www.gov.cn/test/2006-02/16/content_201173.htm (дата обращения: 10.09.2016).

13.05.2015). (электронный ресурс на иностранном языке, где первой в заглавии идёт число)

13. 中蒙俄经济走廊建设重点问题研究 = Исследование основных проблем строительства экономического коридора Китай-Монголия-Россия] / Коллективная работа Центра исследований проблем развития АРВМ, Центра экономической информации АРВМ. Пекин: 人民出版社, 2016. 421 с. (моноиздание без автора на языке с иероглифической письменностью)

14. 龙长海.中俄毗邻地区警务合作机制研究 = Лун Чанхай. Исследование в области полицейского сотрудничества приграничных районов Китая и России // 云南大学学报. 2014. № 6. С. 10—25. (периодическое издание с автором на языке с иероглифической письменностью)

Архив номеров информационно-аналитического бюллетеня
«У Карты Тихого океана» доступен по ссылке:
<http://ihaefe.org/publishings/by-the-pacific-ocean-map>
Электронная почта: wp@ihaefe.ru

ISSN 2304-4586 (Print) ISSN 2304-4632 (Online)

Отпечатано в Отделе ИТ ИИАЭ ДВО РАН
Формат 70 x 108/16
Усл. печ. л. 6.0. Тираж 300 экз.
Адрес редакции и издателя:
690001 Владивосток, ул. Пушкинская 89
Тел.: (4232) 226-80-54. E-mail: wp@ihaefe.ru